

КЛАССИКА XX

Вечером он закуривает хорошую сигару и влезает в маленький старый фургончик и, ругнув, быть может, карбюратор, мчится домой. Он стрижет лужайку или упражняется с клюшкой, а там, глядишь, пора и ужинать.

*Джордж Бэббит.
Об идеальном гражданине*

Как трудно думать, когда день клонится к вечеру, когда на солнце напоздает тень и светлое пятно — лишь твоя шкурка...

*Уоллес Стивенс.
Кролик — король призраков*

ГЛАВА 1

«Кончается горючее», — думает Кролик Энгстром, стоя за пыльными, как всегда летом, окнами демонстрационного зала «Спрингер-моторс» и глядя на поток транспорта, текущий мимо по шоссе 111, — поток словно бы усохший и испуганный по сравнению с тем, каким он бывал раньше. В этом чертовом мире кончается горючее. Но его, Кролика, они в угол не загонят — пока еще нет, потому что с его «тойотами», учитывая расстояния, какие они покрывают при сравнительно небольших эксплуатационных расходах, не сравниться ни одной колымаге. Читайте «К сведению потребителей», апрельский номер. Больше ничего и не нужно говорить людям, когда они заходят. А они заходят — люди-то ведь просто обезумели, они не понимают, что Великим американским гонкам наступает конец. Бензин дошел до девяноста девяти и девяти десятых цента за галлон, и девяносто процентов бензоколонок закрыты на уик-энд. Губернатор Пенсильвании призывает отпускать бензина не меньше чем на пять долларов, чтобы прекратить создаваемые паникой очереди. А владельцы грузовиков, не достав дизельного топлива, расстреливают собственные грузовики — один такой случай произошел совсем недавно в округе Даймонд на Поттсвиллской

платной дороге. Люди теряют голову, доллары их превращаются в бумажки, они швыряют деньгами, как будто завтра конец света. А Гарри им говорит, что, покупая «тойоту», они превращают свои доллары в иены. И они верят. Сто двенадцать новых и подержанных машин прошли через его руки за первые пять месяцев 1979 года, а за одни только первые три недели июня он уже сбавил восемь «королл», пять «корон», в том числе один «универсал» в люксовом исполнении, да еще «селику» — каждую в среднем по цене на восемьсот долларов выше оптовой. Кролик разбогател.

Он теперь владеет «Спрингер-моторс», одного из двух отделений фирмы «Тойота» в районе Бруэра. Вернее, совладелец на равных началах со своей женой Дженис, а ее матери, Бесси, принадлежит вторая половина капитала, унаследованная от старика Спрингера после его смерти пять лет тому назад. Но Кролик ведет себя так, точно он здесь полный хозяин: день за днем он торчит в демонстрационном зале, держит в руках всю документацию и выплату жалованья, появляется в своем отутюженном, вычищенном костюме то в отделе текущего ремонта, то в отделе запасных частей, где люди работают точно в преисподней, чумазы, все в масле, и, когда поднимают взгляд от ярко освещенных моторов, глаза у них кажутся белыми, тогда как он занимается с клиентами, жителями округа, — звезда и средоточие вселенной для двух десятков сотрудников, работающих на площади в сто тысяч квадратных футов, что протянулись сейчас за его спиной, когда он стоит у окон, широкой тенью в глубину. Стена, обшитая вроде бы досками, а на самом деле панелями причудливо рифленного мезонита, вся завешана возле двери в его кабинет старыми газетными вырезками и фотографиями команд в рамках, среди них — две

фотографии лучших десятков округа той поры, когда двадцать лет тому назад он был герой баскетбола, — нет, не двадцать, теперь уже больше двадцати пяти. Даже под стеклом вырезки продолжают желтеть — что-то происходит с бумагой, и не только под воздействием воздуха: так раньше пугали его, говоря, что от греховной жизни люди желтеют. *Энгстром забивает свой 42-й. Кролик выводит команду Маунт-Джаджа в полуфинал.* Идея устроить такую выставку — а вырезки эти были извлечены с чердака, где покойные родители Кролика с незапамятных времен хранили их, наклеив в блокнотах, но клей высох, и вырезки можно было снять, точно кожу со змеи, — принадлежала Фреду Спрингеру, равно как и фраза о том, что репутация фирмы зависит от репутации ее главы. Зная задолго до смерти, что он умирает, Фред готовил Гарри к тому, чтобы он мог возглавить фирму. О покойниках принято думать с благодарностью.

Десять лет тому назад, когда Кролика, работавшего тогда линотипистом, уволили и он помирился с Дженис, ее отец взял его к себе продавцом, а пять лет спустя, когда Кролик поднаторел в деле, соизволил отдать Богу душу. Кто бы мог подумать, что у этого маленького, живого, деловитого человечка может случиться такой обширный инфаркт? Высокое давление: нижнее уже многие годы держалось у него на ста двадцати. Он любил соль. А кроме того, любил поразглагольствовать о доблестях республиканцев, когда же Никсон лишил его этой возможности, он и скончался. Собственно, он протянул еще год при Форде, но кожа на его лице натягивалась все туже, а красные пятна на скулах и челюстях становились все краснее. Гарри, увидев его, нарумяненного, в гробу, понял, что конца следовало ожидать: в смерти Фред не очень изменился. По

тому, как вели себя Дженис и ее мать, можно было подумать, что окочурился то ли принц из сказки, то ли пророк Моисей. Возможно, Гарри стал таким бесчувственным потому, что уже похоронил обоих родителей. Он опустил взгляд, заметил, что у Фреда не на ту сторону зачесаны волосы, и ничего не почувствовал. Великое все-таки дело делают мертвецы — освобождают тебе место.

Пока старик Спрингер еще был на скаку, жизнь в фирме была тяжкая. Он допоздна засиживался на работе и не закрывал демонстрационный зал даже в зимние вечера, когда по шоссе 111 не ходило ни единого снегоочистителя, вечно гундел этим своим высоким нудным голоском про основные правила демонстрации машин, да как получить прибыль на мойке, да как обслуживать покупателей, да оставил или не оставил механик отпечатки большого пальца на руле какого-нибудь чудика или окурки в его пепельнице. При старике Спрингере все они стремились быть под стать тому идеалу, каким непрестанно, неуклонно старался сделать «Спрингер-моторс» старик. Когда же он умер, забота об идеале перешла к Гарри, а он был для этого явно жидковат. Теперь, став здесь королем, он полюбил магазин, и примыкающий к нему акр асфальта, и запах новых машин, исходящий даже от брошюр и всякой белиберды, которую фирма «Тойота» рассылает из Калифорнии, и моющийся шампунем бобрик от стены до стены, и желтеющие свидетельства баскетбольных побед на стенах рядом с эмблемами клубов «Киванис» и «Ротари» и команды Бруэрской торговой палаты и трофеями команд «Малой лиги», которые финансирует фирма, на высоко подвешенной полке, — полюбил этот тихий просторный квадрат мужского мирка, слегка разбавленного девочками в отделе расчетов и приема, наймом и увольнением которых ведает